

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 31: Управление Строительной и Дорожной частями при иркутском генерал-губернаторе (1859–1919 гг.). Оп. 1. Д. 680.

2. Колпаков В. Д. Общий краткий отчет о работах «Партии по исследованию рек Ленского бассейна в 1911–1918 гг. / В. Д. Колпаков. — Иркутск, 1919. — 64 с.

3. Материалы для описания русских рек и история улучшения их судоходных условий. — СПб., 1913. — Вып. 50 : Река Селенга в Забайкальской области. — 119 с.

Информация об авторе

Гузенков Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научной библиотеки, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 24, 664017, e-mail: nas_79@list.ru.

Author

Gusenkov Sergey Vasilievich — PhD in History, Researcher of Scientific Library, Irkutsk State University, 24, Gagarin boulevard, Irkutsk, 664003, e-mail: nas_79@list.ru.

УДК 957
ББК 63.3

Н.Н. БЫКОВА

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЦЕНТРАЛ: АРЕСТАНТСКИЕ БУДНИ (начало XX в.)

Рассматривается распорядок дня каторжан Александровской центральной каторжной тюрьмы, который был строго регламентирован нормативными документами. Поэтому каждый день был похож на предыдущий. Необходимой ежедневной составляющей жизни каторжан являлась работа. Автор классифицирует работу каторжан, выделяя внутреннюю и внешнюю, платную и бесплатную; приводит примеры каторжного режима, когда он имел относительно либеральный характер, и когда смотрители его ужесточали.

Ключевые слова: Александровский централ, каторжный режим, каторжный труд.

N.N. BYKOVA

ALEXANDROVSKY CENTRAL PRISON: PRISONER'S WORKADAY LIFE (THE BEGINNING XX CENTURY)

The author considers the Alexandrovsky central convict prison state convicts' highly regulated daily routine. Every day was the same. Work was the necessary part of day-to-day life. The author classifies state convicts' daily work, marking out internal and external work, paid and unpaid work.

The article contains some examples of penal servitude with more liberal or toughens conditions.

Keywords: Alexandrovsky central prison, convict prison, drudgery.

Александровская центральная каторжная тюрьма (Александровский централ) была предназначена для осужденных мужского пола, по уголовным и политическим статьям, с разными сроками осуждения. Сюда арестанты поступали из разных регионов России и путь, который они проходили, был изнурительным и долгим. Наиболее типичным был следующий путь: многочисленные пересыльные тюрьмы европейской части России, затем Сибирь. И, наконец, — Иркутск. В Иркутской тюрьме формировались партии каторжан в село Александровское, расположенное в 75 верстах. Каторжане, закованные в кандалы, преодолевали пешком этот путь в течение двух суток. Приблизительно на половине этого пути партия каторжан приходила в село Московщина и останавливалась на ночлег, а утром вновь продолжала путь. На исходе вторых суток партия каторжан попадала в конечный пункт назначения — в с. Александровское. И уже здесь часть каторжан отправлялась в каторжную тюрьму, а часть — в пересыльную.

Каторжан, достигших стен Александровского централа, конвоиры передавали представителям администрации тюрьмы по статейным спискам. После этого акта «каждый записывался в алфавитную книгу; ему же выдавалась особая книжка, где были указаны имя и фамилия, род совершенного преступления, время поступления в работы, срок их окончания, графа — наказание, а также заносились сведения о личных вещах и деньгах» [6, л. 6 об.]. Затем вновь прибывших каторжан обыскивали и помещали в особую камеру примерно на двухнедельный срок. И только после освидетельствования врача и мытья в бане арестантам выдавали «сносно выстиранное холщовое белье и коты» [15, с. 146], и размещали по камерам.

В Александровском центре, как и в других тюрьмах России, был введен установленный царской властью единый каторжный режим. С первых же шагов жизнь каторжан была строго регламентирована. Правовое положение заключенных определялось рядом нормативных документов, в том числе «Общая тюремная инструкция», «Положение об Александровской центральной тюрьме», «Устав о содержащихся под стражей», «Устав о ссыльных». Так, например, в первом документе, в разделе III, утверждался распорядок арестантского дня, в частности, ст. 148 обязывала проведение проверок арестантов по камерам ежедневно — утром и вечером [16, с. 40]; ст. 149 уточняла, что утреня проверка должна быть проведена в 6 часов утра, затем следовало умывание, причесывание, приведение в порядок одежды и поочередно небольшими партиями арестантов выпускали в отхожие места и т.д. по

ст. 156, где сказано, что сон арестантов должен быть не более 8 часов, но и не менее 7 часов в сутки [16, с. 40–41].

Вопрос о распорядке дня в тюрьме затрагивали в своих воспоминаниях политические каторжане. П.М. Никифоров говорит о том, что тюремный день действительно начинался с поверки, а затем уже производилась уборка камер. Потом пили утренний чай [15, с. 149]. После чая, часть каторжан уходила на работу, другая часть — оставалась в камерах.

Труд в каторжной тюрьме был обязательным для всех и являлся одной из составляющих каторжного режима, поэтому администрация тюрьмы обязана была организовать работы каторжан. Тяжелых собственно каторжных работ в Александровской тюрьме не применялось вследствие местных условий. А именно, как утверждает Ф. Савицкий, «вблизи тюрьмы нет заводов и промыслов, где можно было бы утилизировать каторжный труд» [17, с. 66]. И, тем не менее, каторжане этой тюрьмы трудились. Эти работы можно разделить на внутренние и внешние, на бесплатные и платные. Платными их можно назвать условно, так как работавший каторжанин получал согласно ст. 359 Устава содержащихся под стражей в свою пользу 0,1 часть заработанных им денег, или 10%. Поэтому естественно, что заработок каторжан был незначительным, но и эти копейки были подспорьем для поддержания их физически. Ведь хоть и «мизерный заработок, но на него можно было приобрести в тюремной лавке самое необходимое» [1, с. 117]. Это была одна из целей при организации мастерских в тюрьме. Кроме того, работа каторжан рассматривалась и как мера исправления преступников (пенитенциарная система). Но главное — это использование дешевого физического труда заключенных.

Несмотря на большие объемы выполненных работ, официальные чиновники отмечали неудовлетворительную деятельность администрации тюрьмы в вопросе организации каторжных работ, мотивируя это тем, что только две трети общего числа каторжников заняты работами, что для каторжной тюрьмы не приемлемо. А между тем руками каторжан создавались ценности, имеющие большое значение для государства: строительство колесных дорог и железных дорог, добыча полезных ископаемых, работы на заводах и строительство зданий, изготовление многочисленных изделий в тюремных мастерских и многое другое.

Примерно одна треть каторжан, которые оставались в камерах, были предоставлены сами себе, поэтому занимались кто чем, в частности писали, читали, обсуждали многочисленные проблемы, спорили, чинили одежду, уголовники же, в основном, играли в карты на деньги.

Продолжая описание дневного распорядка арестантской жизни необходимо отметить, что в дообеденное время каторжанам полагалась прогулка на улице. И этот момент в их жизни отмечается в воспоминаниях, как белов пятно, «камеры открывают и народ с радостным шумом, с

кандальным звоном, волной прокатывается по коридору, чтобы в течение 15 минут надышаться свежим воздухом на целый день. Люди не гуляют, а бегают, стараясь сделать как можно больше движений за короткое время прогулки. Но вот уже окрик надзирателя: «Кончай прогулку!». Сразу проходит оживление, лениво и нехотя тянутся серые фигуры по двору в свои душные и сырые камеры» [15, с. 149].

В 12 часов — обед. Меню для каторжан не разнообразили. Как правило «это вода и немного капусты» [15, с. 150]. Что же касается официальной стоимости пищевого довольствия одного каторжанина в сутки, то оно исчислялось 8 копейками и по отчетам официальных лиц выглядело вполне удовлетворительно. Да и ассортимент продуктов был достаточно приличным: в день на одного арестанта приходилось по 2 фунта 25 золотников муки, по 16 золотников крупы и по 40 золотников мяса, а на соль, капусту и прочий приварок — по 5/6 копейки [10, с. 20; 17, с. 83]. Смотритель Ф. Савицкий утверждал, что приварочных денег на покупку капусты, картофеля, соли, чая, масла, лука и прочего совершенно недостаточно и от этого страдает качество пищи. Однако, начальник Главного тюремного управления С.С. Хрулев, побывавший в Александровском центральном в 1909 г. заключил, что пища во вкусовом отношении вполне удовлетворительна. Овощи — капуста, картофель и зелень, — включаются в рацион каторжан, которые получают с тюремных огородов, обрабатываемых арестантами бесплатно [10, с. 20].

Мнения лиц официальных не находят подтверждения в воспоминаниях бывших каторжан. Так, к словам П.М. Никифорова, приведенным выше, присоединяются и другие бывшие каторжане, утверждающие, что еда в тюрьме была безобразной, да и та в недостаточном количестве [7, л. 152–154].

В 5 часов вечера возвращались каторжане, работавшие в тюремных мастерских... В 6 часов — ужин, и ели жидкую гречневую кашу... В 7 часов — уборка. Потом приносили кипяток. Затем поверка и в 9 часов раздается последняя команда: «Ложись спать!» [15, с. 150].

Так проходил день за днем в Александровском центральном. Разнообразие в жизнь каторжан вносили лишь некоторые радостные моменты. В их число можно включить, отмеченные выше прогулки, мытье в бане и смену пары белья 1 раз в неделю, и так как помещение бани было небольшим, то все каторжане могли перемыться лишь в течение 3 дней. К числу немногочисленных радостей так же можно отнести письма и посылки с воли, которые каторжане могли получать дважды в месяц [7, л. 86], и чтение книг из тюремной библиотеки.

Таков был арестантский день и то, на что могли рассчитывать каторжане. Как и в других тюрьмах, в Александровском центральном непрекаемыми руководящими распоряжениями в отношении режима были распоряжения высшей правительственной власти, в частности и в осо-

бенности — высшего тюремного начальника, — Главного тюремного управления. И хотя режим в основном оставался повсюду один и тот же, от их усмотрений, от степени их политического разумения и преданности своему высокому начальству, зависели всевозможные вариации в режиме, без коренного извращения его направленности. В одних тюрьмах щегловитовско-хрулевская система расправлялась с арестантами такими средствами, как порки, увечья, убийства и пр. Тому примером были тюрьмы в Вологде, Зерентуе, Кутомаре, Орле. В других тюрьмах эта же система и задача физического и идейного подавления каторжан, в том числе и политических каторжан, как политического врага, проводилась несколько по-иному, — не так открыто и рискованно для администрации. Таким примером могла служить Александровская Центральная каторжная тюрьма. От распоряжений высшего начальства зависело основное, общее, существенное, от смотрителей или начальников тюрем — детали, формы. Только на фоне кровавой драмы, разыгрывавшейся более десятилетия в большинстве каторжных тюрем — с убийствами, порками, с отчаянными попытками массовых прорывов для побега, с голодовками и самоубийствами каторжан, — режим Александровского централи может казаться мягким. Только «безумие и ужас» Зерентуя, Кутомары, Орла и других тюрем этого времени, создавали впечатление весьма либерального режима в Александровской центральной каторжной тюрьме. Такое мнение существовало и среди каторжан: «Александровский централ «обратники» хвалили» [20, с. 27].

Однако, даже в начале XX в. режим в Александровской каторжной тюрьме не оставался одним и тем же. Изменения режима во многом зависели от политического положения внутри страны, от подъема или спада революционного движения в стране и от смотрителей тюрьмы, которые проводили основную линию тюремной политики высшего начальства, хотя и по-разному.

Сравнительно либеральным режим в центре оставался до второй половины 1907 г., т.е. времени, когда наметился спад революционного движения в России. В первые годы XX в. Александровская центральная каторжная тюрьма представляла собой практически тюрьму уголовную. Политических каторжан в этот период времени были единицы. Содержались они в отдельных от уголовников камерах, и отношение к ним было относительно уважительное. Первым смотрителем в эти годы был А.П. Сипягин, который использовал либеральные методы работы в тюрьме. Его последователь, бывший ссыльный поляк, а затем смотритель тюрьмы И.И. Лятоскович, взял за основу такую работу. Назначение нового смотрителя Александровского централи Ф. Савицкого совпало с появлением в нем массового политического каторжанина, наряду с обычной уголовной средой. Поэтому ему пришлось постепенно выработать тактику по отношению к политическим каторжанам. Это было вре-

мя, когда революционное движение еще продолжало расти и шириться. Тюремный режим, в первые годы пребывания Ф. Савицкого в должности смотрителя тюрьмы, продолжал оставаться таким, который характеризовал Александровскую тюрьму, как «свободную», «вольную». Об этом свидетельствуют воспоминания бывших политических каторжан Александровского централа [2, с. 11; 9, с. 228; 13, с. 141; 14, с. 99; 18, с. 27; 19, с. 7; 21, с. 193; 22, с. 121].

До середины 1907 г. в Александровской центральной каторжной тюрьме политические каторжане были отделены от уголовных. Были выделены камеры для политических, так например, камеры № 1 и № 14, где содержались только идейные политики. В этот период времени все каторжане, поступавшие в тюрьму, не зависимо от срока и статей осуждения, расковывались и находились без кандалов. Кроме того, гуляли весь день во внутреннем дворе тюрьмы, так как камеры открывались с самого утра и закрывались только перед вечерней поверкой. Поэтому каторжане могли свободно передвигаться по всей тюрьме и по двору. По словам очевидцев, каторжане «с раннего утра могли целый день гулять по двору, дышать чистым воздухом, посещать школу грамотности, лекции по всевозможным вопросам, библиотеку, читальню... Обращение администрации при этом было вежливое.

С утра до 6 часов дня двор гудел: тут и лапта, и городки, и французская борьба, а нередко и танцы — соберутся кругом горцы, бубнят, ладонями прихлопывая, а в кольце бешено, дико несетса черноглазый, чернобровый, худощавый молодец в сером бушлате, — и будто бы нет ни вышек со стенами, ни часовых» [18, с. 27]. А в жаркие летние дни каторжане имели возможность освежиться (громко сказано!) в небольшой канаве с водой, которая была вырыта через тюремный двор еще в 70-е гг. XIX в. и наполнялась водой из горного ручья, находившегося вне его пределов, и дождевой водой. Здесь же, во дворе, уголовные каторжники сражались в карты, в орла и решку, в лото и пр.

Кроме того, внутренний двор тюрьмы в это время представлял собой маленькую копию большого толкучего рынка старого времени, где шла торговля всевозможными предметами от рубашек и штанов до папирос, пирожков, карт и водки включительно. «Два армянина соорудили на дворе печурки: жарили пирожки, продавая их по три копейки за пару. Бойко торговали» [18, с. 27].

Такая ситуация продолжалась до тех пор, пока не было тюремной лавочки. С 1906 г., когда она была организована, торговля для каторжан стала приобретать более централизованный характер. Лавочка была рассчитана на приобретение продуктов и товаров, как для арестантов, так и для тюремных служащих на собственные деньги. Работали в ней уголовные каторжники, а заведовал — тюремный надзиратель В.Г. Поликарпов. Цены здесь были несколько ниже местных рыночных и, тем

не менее, она приносила тюрьме прибыль, часть которой расходовали на покупку музыкальных инструментов для тюремного оркестра, а другую — на покупку книг для тюремной библиотеки и незначительная часть этих доходов шла на пособия и ссуды служащим и семьям заключенных. По закону, каждый арестант мог расходовать на себя не более 2 р. в месяц. Эта сумма повышалась до 4 р. 20 к. по индивидуальному разрешению врача.

Такая, достаточно миролюбивая политика смотрителя Ф. Савицкого продолжалась до второй половины 1907 г., а когда наметился спад революционного движения в стране, то и политика в центре стала меняться. Особенно резко режим изменился после издания Главным тюремным управлением циркуляра от 16 декабря 1906 г. за № 24, где требовалось «содержать каторжан ряда отряда испытуемых обязательно в кандалах, ...во избежание побегов и беспорядков камеры держать запертыми, прогулки проводить по-камерно, малыми группами» [5, л. 4–5].

И законник Ф. Савицкий стал настойчиво проводить в тюрьме давно намеченный им курс — приведения тюрьмы в «порядок». На каторжан, не окончивших кандалного срока, были надеты цепи. Часовые стали отстреливать камеры. Так, ранней весной 1907 г. часовым был убит наповал матрос-каторжанин С.А. Сметанка, осужденный в 1906 г. Кронштадским временным военным судом за вооруженное восстание [8, л. 124].

Несколько позже, 19 июня 1907 г., был убит политический каторжанин Г. Фарберг, находившийся у окна внутри камеры, и одновременно ранен политический каторжанин Б. Качко, осужденные оба Варшавским окружным судом за участие в боевой организации Бунд в 1906 г. [3, л. 112 об.; 4, л. 573-574; 8, л. 58, 137]. Часто политических каторжан стали сажать в карцер за незначительные проступки, такие как возражения их на грубость надзирателей, пререкания с начальством, за не снятие шапки и пр. Наиболее непокорных политических стали изолировать в одиночных камерах, примером этого могут быть А. Бодрицкий, Ю. Грюнберг и др. Была ограничена переписка с родными. Кроме того, свое белье у каторжан было отобрано и одновременно заменено казенным. В камерах пошли повальные обыски.

Каторжане имели право на свидания с близкими родственниками. На первом этаже тюремного здания была отведена специальная комната для свиданий. По закону свидания с родственниками были возможны только через решетку, а так как в комнате для свиданий такой решетки не было, то Ф. Савицкий лишил заключенных свиданий вообще. По воспоминаниям И. Криворукова «на прогулку каторжан выпускали, но не каждый день, а когда выводили, то надзиратели постоянно «крали» у нас время, — вместо положенных 30 минут, давали 15 или 20 минут» [12, с. 91].

В начале 1908 г. «завинчивание» Александровской каторжной тюрьмы пошло и дальше. Камеры были заперты. Занятия в школе прекрати-

лись. А после побега каторжан 10 апреля 1908 г. политические каторжане были разбросаны по всем камерам и смешаны с массой уголовников. Кроме того, по всем коридорам, внутри тюремных корпусов, были поставлены железные решетки с механически затворяющимися железными калитками. У заключенных были отобраны книги, письма. Наказания карцером и одиночками участились.

Поэтому положением дел в Александровской тюрьме, одной из важных и крупных тюрем России, был доволен начальник Главного тюремного управления П.К. Гран, посетивший ее в 1913 г. По его словам: «установившийся ныне режим соответствует нормальному, определенному действующими правилами порядку содержания в тюрьмах каторжных арестантов: ношение ручных и ножных кандалов точно согласуется с указаниями закона; разделение арестантов по разрядам проводится строго, причем принимаются также меры к выделению каторжных более опасных по роду совершенных ими преступлений и могущих оказывать дурное влияние на других... В общем, в отношении режима должно быть отмечено существенное улучшение по сравнению с теми порядками, которые существовали в 1906 г.» [11, с. 9–10].

Таким образом, жизнь каторжан в Александровском центре была регламентирована нормативными документами, которые дополнялись указаниями чиновников; и независимо от того был ли это 1906 г. или 1914 г. тюрьма всегда оставалась тюрьмой. Это был «совершенно особый мир» со своим специфическим укладом жизни, обитателями и распорядком, с довольно тяжелым существованием каторжан.

Список использованной литературы и источников

1. Алкснис Э. Центральная каторжная / Э. Алкснис, Э. Бокмельдер // Сибирь. — 1973. — № 6. — С. 113–120.
2. Ветошкин М. Странички революционного прошлого: Воспоминания о подпольной работе в Сибири / М. Ветошкин // Каторга и ссылка. — 1930. — № 2. — С. 7–21.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 6. Д. 3355.
4. ГАИО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 291.
5. ГАИО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 7.
6. ГАИО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 374.
7. ГАИО. Ф.Р. 1406. Оп. 3. Д. 214.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 941.
9. Каллистов С. Из жизни Тобольской каторги: Воспоминания 1908–1910 гг. / С. Каллистов // Каторга и ссылка. — 1923. — № 6. — С. 225–231.
10. Каторга в Сибири: Извлечение из отчета начальника ГТУ С.С. Хрулева о служебной поездке в 1909 году в Иркутскую губернию и в Забайкальскую область // Тюремный вестник. — 1910. — № 8–9. — С. 1–71.
11. Каторга в Сибири: Извлечение из отчета о служебной поездке начальника ГТУ П.К. Грана в Сибирь в 1913 г. — СПб., 1913. — 53 с.

12. Криворуков И. Борьба с «иванами» в Александровской каторге / И. Криворуков // Каторга и ссылка. — 1928. — № 10. — С. 89–95.
13. Минаев И. Как мы бежали из Александровского централа / И. Минаев // Каторга и ссылка. — 1923. — № 6. — С. 141–145.
14. Минаев И. Автобиография рабочего-революционера / И. Минаев // Каторга и ссылка. — 1923. — № 7. — С. 91–111.
15. Никифоров П. М. Муравьи революции / П. М. Никифоров. — М., 1958. — 180 с.
16. Общая тюремная инструкция. — СПб., 1912. — 96 с.
17. Савицкий Ф. Александровская центральная каторжная тюрьма: Очерки / Ф. Савицкий // Тюремный вестник. — 1908. — № 1. — С. 62–91.
18. Соболев А. На каторжном пути / А. Соболев. — М., 1924. — 69 с.
19. Сушкин Г. Царская тюрьма — школа революционеров: Очерки / Г. Сушкин. — М., 1931. — 32 с.
20. Ульяновский В. Записки вечника / В. Ульяновский. — М., 1930. — 64 с.
21. Фабричный П. Грамота и книга на каторге / П. Фабричный // Каторга и ссылка. — 1922. — № 3. — С. 189–205.
22. Фабричный П. Вооруженный побег из Александровского централа / П. Фабричный // Каторга и ссылка. — 1922. — № 4. — С. 121–125.

Информация об авторе

Быкова Нина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: bykovann@yandex.ru.

Author

Bykova Nina Nikolaevna — PhD in History, Associate Professor, Chair of History, Economic and Political Sciences, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: bykovann@yandex.ru.

УДК 33:94(571)

ББК 65.03(2)53

С.К. КАНН

МЕРОПРИЯТИЯ КОМИТЕТА СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ

Рассматривается деятельность Комитета Сибирской железной дороги по обеспечению проекта Транссибирской магистрали и связанных с нею вспомогательных предприятий квалифицированными кадрами специалистов — инженеров, топографов, геологов и др. Анализируется практика применения правил об особых преимуществах гражданской и военной службы в отдаленных местностях империи и возникавшие в связи с этим проблемы.

Ключевые слова: Комитет Сибирской железной дороги, вспомогательные предприятия Сибирской железной дороги, кадровая политика, изучение Сибири в конце XIX — начале XX вв.